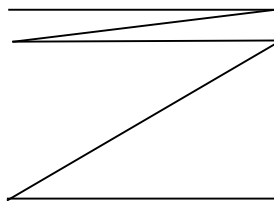

Межъязыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах исследования

Проблема межъязыковой омосемии (тождества номинативных единиц по значению) и проста и сложна одновременно. Достаточно обратиться к любому переводному словарю, чтобы убедиться в этом. Априори известно, что словарная статья в подобных изданиях – лексикографически узаконенный факт межъязыковой омосемии, являющийся, однако, скорее фактом нашего умозрительного восприятия, нежели глубокого его осмысления. В моновербальных соответствиях (слово исходного языка сопоставления – слово языка перевода) левая и правая части, совпадая по денотативному компоненту значения, могут не совпадать по внутренней форме, по коннотации и т. п. (ср. рус. *мать-и-мачеха* – бел. *падбел*, бел. *вока* – рус. *око*). К тому же во многих случаях семантическое тождество в пределах межъязыковых моновербальных соответствий является относительным. Убеждаемся в этом, используя в сопоставлении методику, которую можно назвать "челночной": от слова языка А к соответствующему слову языка Б, затем от переведенного слова языка Б к соответствующему слову языка А и так далее. Направление сопоставления меняется столько раз, сколько необходимо для достижения поставленной цели:

блистать (перен.)
отличаться

вызначацца
1. вылучацца
2. адрознівацца
3. вызначацца,
адзначацца,
характарызавацца

1. отличаться
2. выделяться

.....

Учитывая рассмотренные выше факты и возможные комбинации тождеств и различий в форме сопоставляемых языков, можем отметить, что абсолютно тождественных (по форме и значению) слов не так много, как нам обычно представляется, когда речь идет о близкородственных языках.

Крайние случаи несовпадения лексических единиц по форме и значению связаны с такими явлениями, как безэквивалентность и лексические лакуны, на чем остановимся подробнее. Эти явления иногда неоправданно отождествляют, не учитывая, что одно из них порождает другое; безэквивалентные слова одного языка обуславливают наличие лексических лакун второго. Иногда слова одного языка называют лакунами второго, видимо,

«не придавая значения» тому, что материально выраженная номинативная единица не может быть пустотой, пробелом. В последнем случае, пожалуй, есть смысл говорить о том, что слову одного языка соответствует лексическая лакуна второго.

Лексические лакуны и, как результат, межъязыковые пары "цельно-оформленный номинант (ЦН) исходного языка сопоставления – раздельно-оформленный номинант (РН) второго из сопоставляемых языков" существуют в двух случаях: 1) когда понятие является межъязыковым, 2) когда понятие является безэквивалентным. Первый случай наличия лакун обусловлен, как правило, собственно лингвистическими причинами: различными возможностями языков в отражении одних и тех же явлений окружающей действительности (бел. *зашырокі* – рус. *слишком широкий*). Второй – обусловлен причинами культурологического характера: отсутствует понятие – отсутствует и слово, раскрывающее его (бел. *дзедзіч* – рус. *наследник дедовского имени*). "Слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются безэквивалентными" [1, с. 56].

Таким образом, межъязыковые разноуровневые соответствия ЦН – РН имеют двойственную природу и составляют две группы. В одних случаях заполнители лакун (языковые средства, заполняющие, компенсирующие лакуны) в таких соответствиях – раздельнооформленные номинанты существующих в сознании носителей языка понятий, в других – результат описания понятий, отсутствующих в этнокультурной и языковой общности, если возникает необходимость раскрыть средствами одного языка понятие иной этнокультурной и языковой общности.

Заполнение и компенсация лакун рассматриваются нами как абсолютно идентичные понятия, это значит заполнение, или компенсация лакун. Иногда же они противопоставляются. Под заполнением понимается процесс раскрытия смысла определенного понятия / слова, которое принадлежит незнакомой реципиенту культуре. Заполнение может быть разной глубины: поверхностное или более глубокое, подробное, полное, что зависит от типа текста, в котором появляется лакуна, а также от особенностей реципиента, которому адресован текст.

Сущность компенсации заключается в следующем: для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур в текст в той или иной форме вводится специфический элемент культуры реципиента. Таким образом, в тексте определенной культуры появляются элементы иной культуры – похожие на элементы исходной культуры, но не тождественные им. Следовательно, при компенсации лакун происходит потеря национальной специфики исходной культуры и включение в текст новых элементов, принадлежащих культуре реципиента. К примеру, название американской пьесы "The Gin Game" ("Игра в джин") была пе-

реведена на русский язык как "Игра в карты". Лакуна компенсировалась (в связи с тем, что у русских нет такой карточной игры) путем замены конкретного названия общим понятием "карточная игра" [2, с. 11–12].

Известен и белорусский вариант перевода пьесы – "Гульня ў джын" Национальная специфика элемента исходной культуры формально сохранена, как "сохранено" и полное непонимание для неподготовленного зрителя (читателя).

Одни и те же или смежные по сути внеязыковые явления, характеризующие особенности культуры народа, разными учеными назывались по-разному: безэквивалентные слова, экзотизмы, реалии, варваризмы, локализмы, "бытовые слова", алиенизмы. Объединяет все эти понятия национальная, историческая, местная, бытовая окраска, что и порождает наличие лакун в языке перевода, если слова, раскрывающие эти понятия, не заимствуются (бел. *лявоніха* 'танец' – рус. *лявониха*). В результате в качестве межъязыковых омосемантов переводные словари фиксируют разноуровневые номинативные единицы, возникающие, как отмечалось, по собственно лингвистическим и экстралингвистическим причинам. В таких межъязыковых соответствиях раздельнооформленный номинант всегда более эксплицитен по сравнению со своим цельнооформленным эквивалентом, но при этом возникает вопрос: как и насколько точно он раскрывает семантику этого эквивалента. Передавая лексическое значение ЦН, РН по-разному реагируют на наличие словообразовательной мотивации ЦН, в тех и в других может быть отражен один и тот же или разный признак денотата. В связи с этим среди межъязыковых пар ЦН–РН (вне зависимости от собственно лингвистических и экстралингвистических причин их наличия) можно выделить следующие типы.

1. РН, раскрывающие только лексическое значение своих ЦН. В подобных случаях грамматические значения ЦН также передаются соответствующими РН, однако они передаются не вербально, а аффиксом. В таких межъязыковых парах РН соответствуют немотивированным словам: бел. *кабета* – рус. *замужняя женщина*, бел. *кубел* – рус. *кадка с крышкой*, бел. *куфель* – рус. *пивная кружка*; рус. *досуг* – бел. *вольны час*, рус. *страда* – бел. *гарачая пара*.

2. РН, раскрывающие лексическое и (вербально) грамматическое значения своих ЦН; рус. *западнее* – бел. *на захад ад...*; *больше на захад*, рус. *восточнее* – бел. *на ўсход ад...*; *больше на ўсход*. Правда, это в том случае, если форма компаратива образована от прилагательного. Если же от наречия, то суффикс *-ее* выполняет словообразовательную функцию, а не формообразовательную.

3. РН, раскрывающие лексическое значение своих ЦН, которое совпадает со словообразовательной мотивацией этих ЦН. В подобных межъязыковых парах РН соответствует мотивированным словам: бел. *загусты* – рус. *слишком густой*, бел. *прыпыліцца* – рус. *слегка запылиться*, рус. *поостыть* – бел. *трохі астыць*, рус. *приукрасить* – бел. *трохі ўпрыгожыць*, рус. *преважный* – бел. *вельмі важны*.

Данные пары могут иметь знаковое родство корневой морфемы ЦН и соответствующего слова РН (бел. *загусты* – рус. *слишком густой*) или не иметь (рус. *приукрасить* – бел. *трохі ўпрыгожыць*), что объясняется объективными различиями лексических систем белорусского и русского языков.

Знаковое родство сложных слов и соответствующих РН проявляется, естественно, иначе.

Межъязыковые соответствия, ЦН и РН которых имеют знаковое родство в обеих составных частях: бел. *аднаруч* – рус. *одной рукой*, бел. *жоўталісце (жаўталіст)* – рус. *жёлтая листва*, рус. *вольнотрушатель* – бел. *вольны слухач*, рус. *нравописание* – бел. *апісанне нораваў*, рус. *одновозрастный* – бел. *аднаго ўзросту*.

Межъязыковые, соответствия, ЦН и РН которых имеют знаковое родство в одной из составных частей: бел. *штолета* – рус. *каждое лето*, бел. *штовечар* – рус. *каждый вечер*, бел. *ваўначос* – рус. *чесальщик шерсти*; рус. *домохозяйка* – бел. *гаспадыня дома*, рус. *свеклокомбайн* – бел. *бурачны камбайн*, рус. *собкор* – бел. *уласны карэспандэнт*, рус. *стройбат* – бел. *будаўнічы батальён*.

Межъязыковые соответствия, ЦН и РН которых не имеют знакового родства в обеих составных частях: рус. *грозозащита* – бел. *засцярога ад маланкі*, рус. *зампред* – бел. *намеснік старшыні*, рус. *управделами* – бел. *кіраўнік спраў*.

4. РН, раскрывающие лексическое значение своих ЦН, которое не совпадает со словообразовательной мотивацией этих ЦН: бел. *вылівак* – рус. *жировое яйцо*, бел. *знічка* – рус. *падающая звезда*, бел. *адбой* – рус. *маркировочный молоток*; рус. *загребной* – бел. *кармавы вясляр*, рус. *заневеститься* – бел. *стаць дарослай дзяўчынай*, рус. *доморощенный* – бел. *сваей гадаўлі*.

Данные разноуровневые номинации не имеют знакового родства и отражают разные признаки денотата, лежащие в основе мотивации ЦН и РН, что часто наблюдается в одноуровневых номинациях сопоставляемых языков.

Признак денотата, отраженный в ЦН, может частично или полностью не совпадать с признаком, отраженным в РН. Так, несмотря на то, что русскому *толкователь* соответствует белорусское *тлумачальнік*, в паре рус. *снотолкователь* – бел. *адгадчык сноў* этого соответствия нет, как нет частично и соответствия признаков. В паре рус. *пусторосль* – бел. *рэдкі хмызняк* в обеих частях разноуровневых эквивалентов отражен разный мотивационный признак. Кроме отличий в прозрачной мотивации этих номинативных единиц, слово *пусторосль* имеет еще и отрицательную коннотацию. Ср. также рус. *словоизвержение* – бел. *фантан слоў*,

рус. *чревоугодничать* – бел. *быць абжорай*, рус. *словоизлияние* – бел. *шычырае выказванне пачуццяў* (думак).

Иногда за номинантом в качестве его мотивации закрепляется один признак, а в качестве лексического значения – иной. Так, у слова *знічка* мотивационный признак – 'здольнасць знікаць', а признак, отраженный в лексическом значении, – 'падаючая зорка'. Последний признак отражен и в русском аналитическом номинанте *падающая звезда*. Признаки, не выраженные в номинативных единицах, могут быть реализованы в речи, контекстуально.

В случаях, когда реалья существует в обеих этнокультурных общностях, выбор признака зависит от культуры, традиций, географической среды и некоторых иных факторов. Зависимость, безусловно, есть и от возможностей языковых систем. Если же понятие, как и слово, отражающее его, является безэквивалентным, это значит в одной этнокультурной общности существует, а в другой нет, то в последней встает не проблема выбора признака денотата, а проблема передачи признака (признаков) денотата иной этнокультурной общности.

Для белорусского и русского языков большинство реалий являются общими, поэтому ЦН и РН, с одной стороны, отражают соответствующие денотаты, с другой – передают значения друг друга, манифестируя при этом в своей форме один и тот же признак денотата (рус. *поостыть* – бел. *трохі астыць*) или разные признаки (бел. *знічка* – рус. *падающая звезда*).

В немотивированных словах мотивационный признак не отражен в форме. В соответствующих же РН признак отражен и в форме (бел. *кубел* – рус. *кадка с крышкой*).

В некоторых случаях признак, формализация которого свойственна слову *одного* из сопоставленных языков, находит отражение в той же, не свойственной для второго из языков сопоставления, лексической форме.

Так, форма *жечь* свойственна русскому языку. Ей эквивалентна белорусская форма *паліць*. Тем не менее отражение признака 'жечь' в корне *жечь* мы находим в ряде не русских, а белорусских слов, которым в русском языке соответствуют лексические лакуны: бел. *вожаг* – рус. *черенок хватата*, бел. *жыгала* – рус. *раскаленный прут, которым прожигают дырки (в дереве, кости)*, бел. *жыгучка* – рус. *жгучая крапива*. Подобное наблюдается и в белорусских словах *сялежыць* (рус. *сорвать с передка – телегу*), *сялежваць*, *сялежыцца*, *сялежвацца*, *сялежаны* (русское слово *телега* эквивалентно белорусскому *калёсы*).

Раздельнооформленные номинанты характеризуются большей прозрачностью, эксплицитностью своей мотивации, чем соответствующие им цельнооформленные номинанты (за исключением РН – фразеологизмов). Тем не менее по степени соответствия мотивации ЦН и РН все межъязыковые пары можно разделить на две группы.

1. Межъязыковые пары, в которых мотивация ЦН наиболее приближена к метизации РН.

1.1. *Межъязыковые пары, в которых мотивация ЦН наиболее приближена к мотивации РН в сторону эксплицитности обоих.* Значение структурных частей РН в таких парах полностью складывается из значений структурных частей ЦН. Иначе говоря, среди всех ЦН отмеченные ЦН наиболее приближаются к РН по степени эксплицитности своих значений: рус. *приубавить* – бел. *трохі ўбавіць*.

1.2. *Межъязыковые пары, в которых мотивация ЦН наиболее приближена к мотивации РН в сторону имплицитности обоих.* В данном случае имеются в виду РН – фразеологизмы, статус которых по ряду характеристик приближается к статусу слов. И те, и другие в значительной мере имплицитны, хотя различные пары не абсолютно одинаковы по этому признаку: бел. *ачувацца* – рус. *приходить в себя*, рус. *втемяшить* – бел. *убіць у галаву*.

2. Межъязыковые пары, в которых ЦН по своей мотивации отдалены от РН.

2.1. *Межъязыковые пары, в которых ЦН содержит фразеологичность семантики.* РН в таких парах эксплицитен и прозрачен по своей семантике. ЦН же содержит смысловой компонент, который не выводится из его структурных частей. Этот компонент надо знать. Так, в существительном *сальнік* межъязыковой пары бел. *сальнік* – рус. *торговец салом* суффикс, безусловно, указывает на предмет, но не указывает, что этот предмет одушевленный и, в частности слово *торговец*. РН, соответствующий слову *сальнік*, эксплицирует фразеологичность его семантики: *торговец салом*.

2.2. *Межъязыковые пары, в которых ЦН – немотивированные слова:* бел. *кабета* – рус. *замужняя женщина*.

Рассмотренная типология межъязыковых омосемантов, конечно же, не является исчерпывающей. Это скорее введение в проблему омосемии, которая требует более пристального к себе внимания со стороны лексикологов, лексикографов, культурологов.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1983.

2. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988.